

Ю. ЭВОЛА, Ф. ШУОН, П. СЕРАН,
М. ЛИНГС, Т. СКОТТ, А. К. КУМАРАСВАМИ,
М. ПАЛЛИС, Г. ТРЮК

РЕНЕ ГЕНОН — УЧИТЕЛЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2022

УДК 7.035...9
ББК 87
Р39

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

*Перевод с английского — Евгения Истомина.
Перевод с французского и редакция — Олег Молотов.*

**Ю. Эвола, Ф. Шуон, П. Серан, М. Лингс, Т. Скотт,
А. К. Кумарасвами, М. Паллис, Г. Трюк**

Р39 Рене Генон — учитель нашего времени: Сб. статей / Пер. с англ. и фр. — М.: Тотенбург, 2022. — 238 с.

ISBN 978-5-9216-2408-5

В данный сборник, посвященный известнейшему мыслителю-традиционалисту Рене Генону (1886–1951), вошли переводы статей Юлиуса Эвола, Фритьофа Шуона, Ананды Кумарасвами, а также менее известных авторов, многие из которых знали Рене Генона лично. В материалах сборника представлены как личные воспоминания, так и критический анализ концепций Рене Генона. В частности, рассматривается вопрос инициации и отношение Рене Генона к буддизму, а также различия между взглядами Рене Генона и Фритьофа Шуона. Также читатель сможет ознакомиться с отрывками из писем Рене Генона.

**УДК 7.035...9
ББК 87**

© Е. Истомина,
перевод с английского, 2022

© О. Молотов,
перевод с французского,
редакция перевода,
примечания, 2022

ISBN 978-5-9216-2400-9

© Издательство «Тотенбург», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юлиус Эвола</i> ПОД ВИДОМ ЗАВОЕВАНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕК УТРАТИЛ СВЯЗЬ С МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ	5
<i>Юлиус Эвола</i> РЕНЕ ГЕНОН: УЧИТЕЛЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	9
<i>Юлиус Эвола</i> ВОСТОК И ЗАПАД: ДАР ЯЗЫКОВ.....	28
<i>Юлиус Эвола</i> РЕНЕ ГЕНОН И «ГЕНОНОВСКИЙ» ДОГМАТИЗМ	35
<i>Юлиус Эвола</i> МОЯ ПЕРЕПИСКА С ГЕНОНОМ.....	42
<i>Фритьоф Шуон</i> РЕНЕ ГЕНОН: ОПРЕДЕЛЕНИЯ.....	54
<i>Фритьоф Шуон</i> РЕНЕ ГЕНОН: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.....	61
<i>Поль Серан</i> ФРИТЬОФ ШУОН И РЕНЕ ГЕНОН	115
<i>Мартин Лингс</i> РЕНЕ ГЕНОН.....	127
<i>Мартин Лингс</i> ФРИТЬОФ ШУОН И РЕНЕ ГЕНОН	144
<i>Тимоти Скотт</i> РЕНЕ ГЕНОН И ВОПРОС ИНИЦИАЦИИ.....	160

<i>Ананда К. Кумарасвами</i> ВОСТОЧНАЯ МУДРОСТЬ И ЗАПАДНОЕ ЗНАНИЕ	198
<i>Марко Паллис</i> РЕНЕ ГЕНОН И БУДДИЗМ	213
<i>Гонзаг Трюк</i> РЕНЕ ГЕНОН: ВОСПОМИНАНИЯ И ЛИЧНЫЙ ВЗГЛЯД	223
ИСТОЧНИКИ.....	232
ОБ АВТОРАХ.....	234

ЮЛИУС ЭВОЛА

**ПОД ВИДОМ ЗАВОЕВАНИЯ МИРА
ЧЕЛОВЕК УТРАТИЛ СВЯЗЬ
С МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТЬЮ**

Таков вывод Рене Генона после продолжительных исследований

Рене Генон скончался в возрасте шестидесяти пяти лет в Каире (Египет), где он жил вдали от европейского мира. Он был учителем нашего времени, защитником «интегрального традиционализма» и самым смелым из мыслителей-«антимодернистов». Несмотря на тот факт, что некоторые работы Генона были переведены и изданы в Италии (я перевел на итальянский язык, пожалуй, самую доступную для понимания работу Генона «Кризис современного мира»), ему не досталось признания и популярности, выпавших на долю таких авторов, как Кайзерлинг, Ортега-и-Гассет, Шпенглер, Массис и Юнг. По моему мнению, эти авторы явно не могут сравниться с Геноном в том, что касается духовной ценности и серьезности учения.

Определенное влияние на это отсутствие «успеха» могло оказать то, что Генон всегда сторонился любых приемов, нацеленных на завоевание благосклонности «интеллектуальной» публики. Однако есть и другая, более весомая причина того, что его

работы не нашли большего признания. Обычные читатели находят в мыслях авторов (таких, как вышеуказанные) нечто родственное своим, а также соображения, близкие по духу их мировоззрению, даже если критикуют и осуждают их. Когда же эти самые читатели сталкиваются с работами такого традиционалиста, как Генон, они инстинктивно чувствуют отчуждение. Генон никак не связан (и не желает быть связан) с современной культурой и мышлением. Он представляет иной взгляд на мир; он не высказывает собственные мысли, не защищает свою точку зрения, вместо этого отстаивая свод объективных и универсальных принципов, взглядов и ценностей, поскольку они являются наследием цивилизаций, процветавших до начала индивидуалистического и рационалистического упадка Западной цивилизации.

Поэтому даже когда самое важное у Генона (например, критика современного мира и анализ реальных причин его кризиса) время от времени совпадает со взглядами, получающими все большее признание, его работа отличается иным масштабом и всегда сопровождается положительными рекомендациями. Интеллект Генона освещает целый комплекс фактов, общественных течений, исторических событий, признанных точек зрения и символов, и в этом новом свете обнаруживаются свежие смыслы, ясные озарения и новые способы взглянуть на мир: все это становится доступным для читателя, способного избавиться от воздействия современности и того искаженного знания, на котором основывается современное мышление.

В связи с этим невозможно представить краткий обзор работы Генона — и не только из-за ее сложности, но и потому, что обычное знание не может послужить здесь отправной точкой. Класси-

фицировать его работу является сложной задачей, потому что то, что излагает этот автор, не является ни философией, ни историей религий, ни социологией, ни психологией, ни сравнительной мифологией — хотя он затрагивает все эти области, отстаивая перспективу глубокого и загадочного знания. Краеугольный камень всей его системы — это понятие трансцендентной реальности, возвышающейся над миром разума и чувств, превосходя мистицизм, сентиментализм и философские размышления. Цивилизациям, предшествовавшим современной, были известны способы установки действенного контакта с такой реальностью. Именно так, в условиях изначальной традиции, зарождалось и поддерживалось особое «священное», «нечеловеческое» знание. Это уникальное знание породило утраченные, позабытые и неверно понимаемые дисциплины и науки (так называемые «традиционные науки»), а также единственные принципы, способные создавать подлинный и непререкаемый авторитет, породить эффективные иерархии и наделять высшим смыслом всякую человеческую деятельность. Таково было ядро «традиционных цивилизаций». Хотя каждая такая цивилизация отличалась от других по форме и по сути, их оживлял один и тот же дух.

Этот традиционный мир был сметен (первоначально на Западе, но теперь, по-видимому, и на Востоке) процессом деградации и духовной инволюции. Оправдываясь завоеванием мира, человеческий род нарушил действенный контакт с метафизической реальностью, тем самым вызвав подъем типичных для «современного мира» форм, что привело к самому настоящему отрицанию Традиции. В противовес запутанным мифам и самым современным суевериям

этого мира Генон постоянно подчеркивает то, что в традиционном мире не считалось пережитками прошлого, а обладало нормативной ценностью и являлось стандартной мерой всего того, что можно считать «нормальным» в высшем смысле.

Смерть Генона стала чудовищной утратой. Его книги, переведенные на различные языки, продолжают оказывать влияние на сердца и умы. К сожалению, сегодня нет никого, кто мог бы стать ему достойной заменой или устранить временами свойственное его работам одностороннее понимание и догматизм некоторых его воззрений.

ЮЛИУС ЭВОЛА

**РЕНЕ ГЕНОН:
УЧИТЕЛЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**

Имя Рене Генона по-прежнему малоизвестно в Италии, не считая некоторых закрытых групп, а также тех, кто познакомился с его идеями благодаря ряду недавних его статей, написанных под псевдонимом *Ignitus*: речь идет о публикациях в философском разделе выходящего дважды в месяц издания *Regime Fascista*.

Это незнакомство с Рене Геноном достойно сожаления, учитывая, что популяризация идей таких зарубежных авторов, как Кайзерлинг, Массис, Шпенглер и Бенда, идет полным ходом. Действительно, во Франции, своей родной стране, Генон подвергся бойкоту оккультистов, в массе своей анти-традиционалистов. Они зашли настолько далеко, что попытались изъять его работы из обихода при помощи скрытых манипуляций. Верно и то, что идеи этого автора по своей природе чужды всякого компромисса, направленного на заискивание перед дилетантами и широкой публикой. Сам Генон в силу своего серьезного намерения оставаться беспристрастным и анонимным систематически избегал всеобщего внимания. Однако эти несущественные обстоятельства не меняют того факта, что личность Генона совершенно нельзя поставить на одну ступень с вышеозначенными авторами (чья популярность в Италии только растет) в том, что касается духовной ценности, серьезных философских воззрений, особой

подготовки в области традиционных дисциплин и необходимого самопознания.

Например, у Шпенглера, Массиса и Бенда, не говоря уже о «салонном философе» Кайзерлинге, читатель способен уловить ощущение личной теории или искусственной точки зрения, более или менее продиктованной личными пристрастиями автора; поэтому не стоит ожидать от них «объективности». У Генона все иначе. Он не уставал повторять, что если в его книгах обнаружится что-либо связанное с его личностью, это следует отбросить как не представляющее ценности. Однажды он даже полемически спросил, можем ли мы действительно быть уверенными, что «Р. Генон» действительно существует, или же это имя — просто символ. В этом ироничном замечании действительно есть доля правды, что сразу же отсылает нас к одной из главных традиций, согласно которой действительно стоящая мысль является чем-то надличностным. Мир принципов универсален, и он сильно отличается от всего, что отражает мнения или личные склонности отдельного человека; этот мир становится обусловленным, когда выражается в конкретном месте и времени посредством различных людей. Вскоре я разьясню практические применения такого взгляда, который не имеет никакого отношения к обычному рационализму.

Деятельность Генона насчитывает более десяти лет, его книги подчиняются прочно утвердившейся структуре и издавались в логическом порядке. В газете *Vita Italiana* я рассматривал политические и социальные аспекты работы Генона, однако невозможно рассматривать эти выводы в отрыве от остальных его идей. Метод Генона строго дедуктивный. Его реакционное, «революционное» и традиционалистское миро-

воззрение является духовным и метафизическим *in primis et ante omnia* Тот факт, что его социально-политические соображения и его критика современного мира вдохновлены этим высшим измерением и всегда сообразны с ним, наделяет взгляды Генона иным масштабом, нежели взгляды других действующих из лучших побуждений авторов, даже если у его и их взглядов есть общие черты. Поэтому здесь необходимо представить общий обзор работ Генона.

Первоначальная задача, которую поставил перед собой Генон, была чисто негативной. Западный мир, зажатый в тисках материализма, смутно ощущал потребность в чем-то «ином». В этом поиске он смог породить лишь сомнительные, иррациональные и туманные формы духовности, являющиеся подделкой под подлинную духовность и составляющие настолько же реальную и серьезную опасность, как и сам материализм, который они вознамерились победить. Поэтому Генон обрушил сокрушительную критику на «неоспиритуалистские» течения, пользовавшиеся наибольшим успехом в современном мире. Он сделал это и по другим причинам. В силу ментальности некоторых людей сегодня практически невозможно говорить о чем-либо трансцендентном, о чем-либо, превосходящем тривиальные концепции материализма, сциентизма и мертвой схоластической философии, не заслужив обвинений в мистицизме, теософизме или спиритуализме. К сожалению, мой опыт в Италии подтверждает этот взгляд. Чтобы избежать грубых недопониманий, Генон начал свою работу с того, что решил расставить все на свои места.

¹ В первую очередь и прежде всего (лат.). — *Прим. ред.*

Первой мишенью критики Генона стал спиритуализм. Его книга «Заблуждения спиритов» (*L'erreur spirite*, Paris, 1923)² заслуживает прочтения уже потому, что в ней содержится не имеющее аналогов рассмотрение предмета. Необходимо понимать, что Генон не отрицает реальность таких феноменов и даже готов согласиться, что в них есть нечто большее, чем может признать обычный спиритуалист. Принимая точку зрения общей доктрины, выраженной в некоторых аспектах католической традиции и в учениях восточных культур, искушенных в психических феноменах, Генон заявляет, что такие медиумические явления вовсе не обладают подлинной духовной ценностью, и, безусловно, любой интерес, который может возникнуть у людей к этим вещам (далекий от беспристрастного и объективного анализа), является нездоровым и дегенеративным. Наконец, спиритуалистическая гипотеза (согласно которой действующая сила, стоящая за этими феноменами, — это бесплотные духи покойных), помимо того, что является необоснованной, в то же время противоречит сама себе. Псевдорелигия, которую она порождает в определенной среде, мягко говоря, ошибочна. Если человек хочет оставаться в рамках аутентичной «духовности», у него есть возможность открывать «окна», иногда даже широкие, выводящие за пределы «нормального», но это возможно только при помощи иных способов и с совершенно иной внутренней позиции. Главное, что отстаивает Генон в своей первоначальной критике «спиритуалистской опасности», — это потребность осознать, что суще-

² Русское издание: Генон, Р. Заблуждения спиритов. — М.: Тотенбург, 2017. — *Прим. ред.*

ствуется такая «духовность», которая вовсе не обладает сверхъестественным характером, а просто составляет регрессию к доличностным и субдуховным стадиям. Этот вид духовности оказал влияние на большинство современных течений. Такие течения обольщаются, когда считают себя антиматериалистическими и антирационалистическими и когда пытаются «пойти дальше» тех традиционных учений, которых они больше не понимают.

В продолжение этого вторая атака Генона направлена на англо-индийскую теософию и ее оккультные, гуманитарные и интернациональные побочные продукты. В своей книге «Теософизм: история одной псевдорелигии» (*Le theosophisme: Histoire d'une pseudoreligion*, Paris, 1921)³ Генон называет совокупность этих течений *теософизмом*. Он демонстрирует очень хорошую осведомленность по поводу конфиденциальных и тайных дел Теософского общества и без колебаний разоблачает их, чтобы продемонстрировать все его мутное окружение. В то же время он выявляет истинную природу всех тех вещей, которые в теософизме остаются просто болезненными блужданиями запутавшихся умов, смешанными с экстравагантными искажениями древних или восточных доктрин и пропущенными через фильтр худших западных предрассудков. При этом антиспиритуализм Генона исходит не из лицемерного позитивизма — как раз наоборот! Таким же образом его антитеософская позиция происходит исключительно из потребности вернуть первозданное величие определенным традиционным и духовным доктринам.

³ Русское издание: Генон, Р. Теософизм: история одной псевдорелигии. — М.: Тотенбург, 2017. — *Прим. ред.*

нам, на которые теософизм заявляет свои права с катастрофическими последствиями, т. е. производя опасные подделки и фальсификации. Следует заметить, что все рассуждения и вся критика Генона не обладают абстрактным или просто теоретическим характером; он больше озабочен последствиями, которые могут возникнуть в социальной сфере, в смысле еще большего беспорядка в коллективной психике. Эти последствия, которые могут пройти незамеченными для большинства людей, но не становятся от этого менее реальными, вызваны определенным смещением идей и безумными полетами современного воображения. Наконец, Генон не скрывает того факта, что ему было дано введение в понимание того, что он называет «традиционной реальностью», посредством изучения традиционных учений и личного контакта с их представителями. Восток сегодня, помимо мертвых сборников трудов востоковедов, специализирующихся на различных дисциплинах, пробуждает образы теософии, пантеизма, Ганди, Тагора и прочих. Согласно Генону, эти образы не имеют отношения ко всему тому, что в индуизме обладает суровым, мужественным и светозарным характером и способно дать глубочайшее понимание проблемы кризиса нашей цивилизации и нашего общества. Свои комментарии по этому поводу он изложил в книге «Общее введение в изучение индусских учений» (*Introduction generale aux doctrines indoues*, Paris, 1921). В этой книге он начал сравнивать западную и восточную цивилизацию и критиковать современный мир.

Эти темы получают систематическое развитие и окончательно оформляются в его более поздних работах: «Восток и Запад» (*Orient et Occident*, Paris,

1924), «Кризис современного мира» (*La crise du monde moderne*, Paris, 1927) и «Духовное владычество и мирская власть» (*Autorité spirituelle et pouvoir temporel*, Paris, 1930). Эти книги более доступны для широкой публики и с большей вероятностью обеспечат средства для более высокого понимания величайших социальных и политических проблем современной эпохи. В этих книгах мы находим радикальную критику Западной цивилизации, или, если выражаться точнее, современной цивилизации. Согласно Генону, реальное противостояние существует не между Востоком и Западом, а между современной и древней формами цивилизации. Древняя (или «традиционная») цивилизация следовала общим принципам и на Востоке, и на Западе, хотя их формы выражения были различными в зависимости от времени, расы, ментальности и географического расположения. Главной чертой современного мира является систематическое отрицание этих универсальных принципов, достигающее своего пика в тотальном антитрадиционализме. Это отрицание принципов полностью противоречит не только Востоку, но и Древнему Западу в его лучшие времена. Для Генона такое отрицание составляет основу глубокого и непроглядного интеллектуального и общественного кризиса Западного мира, кризиса одновременно внешнего и внутреннего.

Негативный и упадочный характер современного мира, согласно Генону, состоит по своей сути в утере контакта с «метафизической» реальностью и в последующем вымирании господствующих традиций, черпающих свое право на существование и свое могущество в корпусе ценностей и учений «метафизической» природы.

Что же Генон подразумевает под «метафизическим» и «метафизической реальностью»? Это фундаментальный вопрос, который немногие смогут понять, поскольку он ссылается на духовные горизонты, практически неизвестные в наше время и которые вряд ли можно свести к какой-либо категории, применимой для современной цивилизации. Когда Генон говорит о метафизике, он уточняет, что под этим термином он вовсе не имеет в виду «философию» или даже какую-то конкретную ветвь той дисциплины, которая называет себя «философией». В работах Генона термин «метафизика» обретает свое значение применительно к сверхрациональному по своей сути измерению. За пределами мира, обусловленного временем и пространством, а значит, подверженного изменениям и пропитанного партикуляризмом и чувствами, лежит мир интеллектуальных сущностей. Эти сущности существуют не просто как гипотезы или абстракции человеческого ума, но как самая реальная из всех возможных реальностей. Человек способен «осознавать» этот мир, то есть получать от него непосредственный опыт, аналогичный опыту физических ощущений, только если он успешно поднимется на сверхрациональный уровень, который Генон называет уровнем «чистой интеллектуальности». Иными словами, этого состояния можно достичь, только если человек окажется способным к трансцендентному использованию своего интеллекта; интеллекта, освобожденного от всякого специфически человеческого, психологического, эмоционального, индивидуалистического и даже мистического элемента. Генон использует термин «метафизика» применительно к трансцендентному реализму, связанному с внутренним аскетизмом, ко-

торый стремится за пределы мира, каким он понимается религиями. Тот, кто занимался подобными исследованиями, может подтвердить, что такая позиция совсем не нова. Кроме того, Генон заявляет свою безоговорочную оппозицию всему «новому» и «современному». Он также сетует на то, что одно из самых примечательных отклонений современного мышления состоит в том, что доктрина считается важной только в том случае, если она «оригинальная» и «личная», а о ее истинности речь не идет. В доктрине «метафизической реальности» Генон всего лишь стремится указать на основную идею, которая всегда признавалась любой нормальной и созидательной цивилизацией.

Из контакта с метафизической реальностью возможно извлечь корпус принципов, обеспечивающих нечеловеческий способ анализа и организации человеческой деятельности. Эти принципы составляют непоколебимые ориентиры, из которых посредством их адаптации к разным уровням возможно вывести дальнейшие принципы, относящиеся к конкретным знаниям и областям, всегда иерархически выстроенным вокруг одной и той же сверхъестественной оси. Такова природа «традиционных наук» и древних цивилизаций, составляющих наглядную противоположность индуктивному, внешнему, узконаправленному, аналитическому и чисто профанному современным наукам, которым недостает аутентичных принципов и которые неспособны привести к подлинному знанию. Критика Геноном современного сциентизма во всех его материалистических, прагматичных и эволюционных тенденциях является наиболее серьезной и наиболее радикальной.

С другой стороны, любое знание, которое традиция извлекает из своей метафизической области и применяет на социальном и практическом уровне, можно перевести в принципы, способные правильно расположить и организовать мирские виды деятельности и наделить их высшим смыслом. Эти принципы также могут создать институциональные формы, соответствующие данной цели, и преобразовать «жизнь» в нечто «большее-чем-жизнь». В этом контексте выводы Генона принимают радикальный характер: иерархический, аристократический, антииндивидуалистический, антисоциальный и антиколлективистский. Его выводы выходят за рамки дуализма, типичного для мировоззрения, тяготеющего к платоновскому (как у Жюльена Бенда). Согласно Генону, судьба духа состоит не в том, чтобы быть сосланным в высочайшую небесную область; таким же образом носителям духа не суждено играть в этом мире ни роль изгнанников, отягощенных печалью или «замороженных» в стоической, бесстрастной позиции, ни роль беспомощных обитателей Утопии. То, что не начинается и не заканчивается «человеческим» элементом, согласно Генону, является причиной конкретных отношений «достоинства», качества и различий в разных формах жизни. Именно так рождается подлинная иерархия; иерархия, знакомая великим традиционным обществам. Ее последние отголоски дошли до феодальных и католически-имперских Средних веков, которым Генон закономерно приписывает особое значение — ценностное и символическое. Сила, сотворившая эти великие исторические реальности, исходила не просто из условных, социальных и экономических факторов, но из непреодолимого могущества свыше, проистекающего из жи-

вого контакта с метафизической реальностью. Этот контакт в конечном счете переходит в конкретные взаимоотношения, характеризующиеся приоритетом духовной власти над светской. Для Генона мир «принципов» является вовсе не жалким миром абстракций, а миром сил, чье воздействие, несмотря на свою невидимость, не становится менее эффективным. Напротив, по сравнению с материальными и только человеческими силами они еще более непреодолимы, непреклонны и фатальны. Более того, соображения Генона являются поистине озаряющими, когда он приписывает этим невидимым и неожиданным факторам исторические формы и события, расхожие представления о которых являются чисто хронологическими. Генон предстает настоящим мастером в искусстве постигать принципы, загадочным образом управляющие историей и ее великими духовными законами (такими, как циклические законы). То, что он говорит по этому поводу, не только истинно само по себе, но и характеризует новый метод. Этот метод исторически играет ту же роль, что и психоанализ в сфере человеческой психики: как психоанализ изучает то, что ускользает от обычной, двумерной психологии, так и этот метод исследует то, что ускользает от периферийной и обычной сознательности, и то, что происходит вследствие глубоких и скрытых причин.

То же самое можно сказать о мире символов и мифов. Генон, который отстаивает традиционную точку зрения и упорно противостоит современным взглядам даже в этом вопросе, видит в символах и мифах не произвольные и фантастические истории, не лирические вымыслы и не натуралистические переложения. Символы и мифы часто являются своего

рода выражениями элементов, наделенных метафизическим характером; они как таковые допускают, чтобы к ним обращались за содержанием более ценным, чем рационалистические или позитивистские данные. Это не просто одна из деталей в контексте всей работы Генона: богатейшие свидетельства традиций и институтов, которые больше всего привлекали Генона, выражаются главным образом в форме символов и мифов. Рене Генон анализирует их и демонстрирует их объективный и универсальный смысл. Его сравнительный метод порождает нечто «неизменное», а именно то, что является ценным «всегда и повсюду» в области институтов, религий и подлинных путей превосходения человеческого состояния.

Именно здесь четко проступает иерархически-универсалистская позиция Генона. Он видит универсализм не так, как видят его современные отклонения, т. е. как уравнительный процесс или единообразие. Согласно ему, универсальное является истинным в силу того, что оно является иерархической осью и принципом, хронологически предшествующим всевозможным разногласиям и находящимся выше их; оно сосуществует с высочайшим уровнем дифференциации. Это духовное и неизменное единство, к которому сводится каждая отдельная реальность и из которого она черпает свой характер, свое значение и причину своего существования. То же самое касается любой другой области, включая социально-политические и религиозные. С социальной точки зрения Генон обнаруживает традиционный иерархический идеал, выраженный во всех тех политических системах, которые следуют принципу *suum cuique* («каждому свое»); в этих системах индивиды в силу того, что они выполняют функцию,образ-

ную их природе и их естественному призванию, собранные в классы или касты. Каждая каста наделена собственными чертами, прерогативами и правами и расположена в строгом иерархическом порядке, который лучше всего охраняет первичность духовного над мирским. В качестве идеальной модели Генон часто обращается к иерархическим системам древнего индийского общества, в котором торговцы стояли над рабочими, а военная аристократия — над торговцами. На верхушке социальной пирамиды находились элиты, которые представляли чисто духовную власть и чисто интеллектуальное (метафизическое) знание. Генон объяснил, что это не условная или ситуационная схема, а принцип порядка, находивший свое выражение в любом месте, где существовал нормальный вид цивилизации и общества, хотя и посредством различных форм, в разной степени полных. Этот социальный порядок существовал и на Западе вплоть до Средних веков, во время которых было создано сверхрациональное разделение людей на разные классы: простонародье, третье сословие, аристократия и духовенство.

Это также относится к тому, что составляет краеугольный камень всякой великой традиции или религии. В учениях, символах, ритуалах и церемониалах каждой из этих великих традиций существуют различные выражения (различные в зависимости от времени, места и прочего) одной, «изначальной» традиции. Этот формообразующий термин следует понимать в духовном и метафизическом, а не в историческом и хронологическом смысле. Высшим ориентиром в этой «изначальной» традиции выступает слияние двух сил, а именно, духовного и царского принципов. Это слияние является сердцем всякого

социального организма, черпающего свыше энергию, необходимую для собственной жизни. Здесь обнаруживается пик чистой универсальности и, в своем внешнем применении, принцип всякой *Sacrum Imperium*. В своей уникальной работе под названием «Царь мира» (*Roi du Monde*, Paris, 1927) Генонон попытался продемонстрировать обращение в разных, отличных друг от друга традициях к идее о «Вселенском Правителе», а также конкретизацию этой идеи как единого источника всех сил, традиционно предопределявших великие исторические циклы. Как, превосходя разнообразие форм и степени осознанности, различные традиции могли обращаться к одному корпусу знаний, который превосходит их все и всем им предшествует, так и, находясь за пределами различных центров, которые в различной степени внешне господствуют над великими течениями истории, должен быть только один центр, только одна функция высшего духовного управления, в сравнении с которым все известные нам просто играют подчиненную роль. Такая идея, как и идея «изначальной традиции», должна пониматься в метафизическом и надындивидуальном смысле. Соображения Генона, являются ли они гипотезой или загадочной реальностью, по-прежнему демонстрируют, что стремление, объединяющее всех традиционных людей, выходит за рамки частного и условного, чтобы включить эту традицию в одну сверхтрадицию, существование которой смутно ощущается и которая несет одновременно имперские и духовные черты. Эта сверхтрадиция является высшим образцом именно в силу своей метафизической природы. Еще раз: именно она символизировалась экуменическим Средневековьем и идеалом взглядов Данте на *Императо-*

ра. К слову, Генон был автором книги под названием «Эзотеризм Данте» (*L'esoterisme de Dante*, Paris, 1925) и короткого очерка про св. Бернарда.

Согласно Генону, смысл традиции постепенно потускнел как на Востоке, так и на Западе, где ее последним выражением стал католицизм. Интересно почитать, что Генон говорит, подчеркивая католическое (слово *katholicos* на греческом означает «всеобщий») содержание католицизма, вновь обнаруживая в учениях, ритуалах и символах Церкви одно из возможных выражений «изначальной традиции». Реформация и гуманизм привели к полному разрыву и острой фазе того инволюционного процесса, который Генон видит в истории и который он интерпретирует согласно традиционным учениям о циклических законах и «эпохах мира». Следом за Реформацией и гуманизмом метафизическая перспектива сменилась чисто человеческой. Постепенно упадочная культура укрепляется и демонстрирует определенные светские и рационалистические черты. Рациональные способности занимают место «чистой интеллектуальности», философская абстракция — подлинного знания; имманентность — трансцендентности; индивидуальное — универсального; движение — стабильности, антитрадиция — традиции. В то же время материальный и практический аспект жизни гипертрофируется и приходит на смену всему остальному. Новые проявления «человеческого», морализма и сентиментализма, восхваления Эго, суматошного беспокойства и хлопот (активизм), напряжения, не озаренного светом (волюнтаризм), и «жизни» в ее иррациональных и доличностных аспектах в современном мире подступают отовсюду. Это происходит в условиях полного отсутствия ис-

тинных принципов, в социальном и идеологическом хаосе, в обстановке заразной мистики становления, устанавливающей ускоренный темп жизни людей. Из Европы эти метастазы в качестве новой формы варварства распространились и в прочие места: антитрадиция проникает повсюду, «модернизируя» те цивилизации, которые, как в случае Индии, Китая и ислама, по-прежнему до определенной степени сохраняют ценности и правила жизни иного порядка. Единичные реакции на эту тенденцию имеют ограниченный масштаб: например, неоспиритуалистические отклонения, отражающие тиранию субинтеллектуальных способностей и отсутствие понимания высшей реальности. С социальной точки зрения Генон первым признал в качестве исторической истины не пришествие *прогрессивизма*, а нисхождение политической власти от высших каст к низшим, от духовных элит к воинам; от воинов к капиталистической буржуазии, а от них — к массам, древней касте подневольных людей (социализм).

Так Генон устанавливает, что поскольку цикл заканчивается и так как невозможно опуститься еще «ниже», можно ожидать, что окончательный кризис сменится робким восстановлением и фазой реконструкции. Тем не менее Генон не уверен, где и как это должно произойти. Фундаментальная задача состоит в создании неких *элит*, в которых можно заново разжечь чувство метафизической реальности и которые сформулируют новые принципы, необходимые для установления нового порядка. Но где искать отправную точку? В одной из прежних традиций? Что касается Запада, эта задача выпала бы на долю католичества. Однако Генон, в том числе из-за личного «опыта», по-видимому, утратил свой частичный опти-

мизм, выраженный в его ранних книгах. Тогда он размышлял о возможности реинтеграции католичества при том условии, что оно придет к полноценному и живому знанию о том «традиционном» содержимом, которым оно некогда обладало и которое теперь оказалось закрытым в латентном состоянии, в том числе из-за ограничений идеологической эксклюзивности.

Следует ли в таком случае обратиться к Востоку? И к какому именно Востоку? Его отсылки к восточным доктринам, сформулированные в таких работах, как «Человек и его осуществление согласно Веданте» (*L'homme et son devenir selon le Vedanta*, Paris, 1925) и «Символизм креста» (*Le symbolisme de la croix*, Paris, 1930), направленных на изложение доктрины, превосходящей как Восток, так и Запад, не должны нас обманывать. В настоящий момент Восток находится либо в упадке, либо на пути к модернизации. Вскоре он пройдет через те же социальные и духовные кризисы, от которых сами жители Запада пытаются сбежать. Использовать метафизические элементы, которые Восток все еще сохраняет либо в какой-то среде, либо в некой кристаллизованной традиции — это все равно, что обратиться к схожему элементу, который по-прежнему может предложить лучшая и самая древняя западная традиция. Таким образом, попытка использовать принцип непрерывности или найти стимул в какой-либо традиции кажется обреченной на неудачу; теперь требуется творческое и героическое действие.

Здесь нужно поднять тему, до которой Генон еще не дошел, но которую ему необходимо рассмотреть, если он намерен тщательно изучить возможности современного мира с собственной точки зрения. Существует несколько областей, в которых Запад

просто пылает от нетерпения и от ощущения восстания против наиболее осязаемых форм современного политического и интеллектуального разложения. Отсюда новое понятие «революции», даже на социальном уровне; это понятие часто выступает синонимом аутентичной контрреволюции и начинает преобладать и задавать (в некоторых странах) направление широким массам новых поколений. Было бы интересно определить, до какой степени и в какой форме эти течения, радикально противопоставленные демократии и социализму (особенно определенные течения в Италии, в которых успешно развивается синтез традиции и обновления) способны обеспечить высшее основание, необходимое для начала работы над трудной задачей реинтеграции в том смысле, который обозначил Генон, а значит, работы, наделенной метафизическим, трансцендентным, этическим и социальным характером.

Такого рода анализ был бы весьма полезен, и он бы поднял доктрины Генона на более высокий уровень практической эффективности и близости к тем элементам, которые практически обладают способностью осознания и которые начинают набирать силу. Если, с одной стороны, желательно, чтобы Генон положил начало такого рода анализу, с другой стороны, знание и изучение работ этого автора следует рекомендовать лучшим элементам, а также тем, кому особенно не терпится получить аутентичную духовную ориентацию в нашей новой Италии. Эти элементы нашли бы в работе Генона точки зрения, которые далеко отстоят от какого-либо партикуляризма или персонализма. Они бы также обнаружили широкие горизонты; мощные, чистые и необусловленные идеи, а также новые способы и методы вос-

становления величия, которое принадлежит не прошлому, а тому, что превосходит время и имеет неувядающую актуальность. Я считаю, что все именно так, потому что перспектива «радикального традиционализма» Генона совпадает с идеалом Муссолини, идеалом достижения «неизменной и универсальной реальности», необходимого для человека, желающего поступать духовно в мире с «преобладающей человеческой волей».

ЮЛИУС ЭВОЛА

ВОСТОК И ЗАПАД: ДАР ЯЗЫКОВ

Работа Генона «Человек и его осуществление согласно Веданте», недавно переведенная на итальянский язык, привлечет внимание хорошо образованного и подготовленного читателя. Разумеется, вместе с тем она станет и источником недоразумений среди определенной категории «третьесортных» критиков и интеллектуалов, колеблющихся между банальностями и политическими и духовными увлечениями. Я не раз уверенно заявлял, что Генон — один из редких духовных учителей современной эпохи, и по сравнению с такими авторами, как Кайзерлинг, Бенда, Массис, Роппс, и другими представителями этого течения он находится в иной «лиге». Рене Генон — один из тех немногих авторов, кто действительно обладает принципами и может авторитетно свидетельствовать о Традиции. Он делает это в высшем, метафизическом и надличностном смысле слова и вне рамок какой-либо философской схемы или пустых претензий на «оригинальность», без конфессиональных ограничений и прозелитизма. Теперь, когда вышеозначенная книга была переведена, я чувствую необходимость прояснить моменты, потенциально способные привести к неверному пониманию. Здесь ни к чему обсуждать саму книгу, поскольку это заведет нас в техническую область. Моя цель состоит в том, чтобы обозначить точку зрения, с которой эту книгу следует рассматривать.

Позвольте сразу обозначить, где может скрываться наибольшее недопонимание. Значительная часть работы Генона состоит в тщательной критике современной цивилизации. Эта критика весьма действенна и разрушительна, поскольку она лишена страстей и методично основывается на бесстрастном анализе фактов, событий и идей с точки зрения принципов, типичных для любой нормальной (т. е. традиционной) цивилизации. Самая значительная работа Генона, использующая эту точку зрения, — «Кризис современного мира» — недавно была переведена на итальянский язык. Более чем закономерно, что тем читателям, которые следили за критическими работами Генона (соглашаясь с ними или нет), теперь будет любопытно познакомиться с их позитивным дополнением, состоящим из ценностей и доктрин, противопоставляющимся ценностям и доктринам современного мира. Закономерно и то, что эти читатели желают знать, что собой представляет эта «традиция» и «традиционный дух», которым Генон придает такое значение и которые он считает предпосылкой любой подлинной реконструкции. Возможно, многие люди считают, что последняя книга Генона служит этой цели, особенно потому, что она уделяет так много внимания доктрине. Однако учитывая, что эта книга рассматривает индуистские теории, легко предсказать, что будет происходить вновь и вновь. Будут высказаны обвинения, что Генон слишком увлечен Востоком и что он является «теософистом» и пантеистом, пытающимся увести внимание Запада от его собственных традиций католицизма и западного персонализма, подменив их школами экзотических доктрин. Такая критика мо-

жет поставить под угрозу понимание таких важных вещей, что их ценность сложно переоценить.

Поэтому, дабы не допустить этого, необходимо установить следующее.

Работа Генона, без сомнения, являет собой лучшее, что когда-либо было написано об индийской метафизике. Эту книгу также стоит рассматривать как ключ, необходимый людям, желающим всерьез заняться изучением восточных традиций в целом, не прибегая к произвольным реконструкциям официальных востоковедов, философов и теологов. Когда Генон писал эту книгу, он не намеревался ограничиться этой задачей. Начиная с допущения, что различные традиции и религии (в том, что касается настоящего ценных и надличностных элементов, которые они могут предложить) — это просто разные выражения одного и того же универсального корпуса знаний, Генон использовал теории, сформулированные Ведантой, словно полиглот, который использует определенный язык, чтобы выразить идеи, которые обычно объяснялись другими словами. Поэтому страх некоторых людей перед использованием Геноном «восточных» отсылок на самом деле необоснован, как необоснованны и реакции на это. Сам Генон без колебаний приводит множество примеров, демонстрирующих соответствия между индуистской и другими традициями, включая западные, в том, что касается основных доктринальных моментов.

Закономерно задаваться вопросом, почему Генон выбрал Веданту, чтобы привести типичный пример «традиционного» взгляда на мир, на человека и его осуществление, если выбор доктрины на самом деле неважен и если в его намерения входило

описание положительного и конструктивного дополнения к собственной критике ошибок современного мира. Можно возразить, что его выбор не очень целесообразен. Это возражение оправдано, если имеется в виду «целесообразность» в самом грубом и непосредственном смысле слова. Без сомнения, если бы Генон в качестве основы своего мировоззрения выбрал вместо Веданты какие-то западные учения, такие как средневековые католические и герметические учения, он бы столкнулся с меньшим противодействием злонамеренных и некомпетентных людей. Однако он предпочел поступить иначе.

Во-первых, согласно Генону, не следует тешиться иллюзиями по поводу следующего: по своей ментальности современный Запад находится не дальше от Востока, чем от древнего и традиционного Запада. В своей подлинной сути учения древнего Запада стали настолько же чуждыми современному человечеству, как и учения «экзотического» Дальнего Востока. Учитывая повторяющиеся случаи недопонимания, не следует обманываться надеждой, что если бы Генон принял за «основу» древнее западное учение, его ждал бы больший успех.

Во-вторых, различные факторы, которые невозможно здесь исследовать, привели к тому, что традиционные учения появились в главной западной традиции не в чистом и метафизическом состоянии, а по большей части в «религиозной» адаптации. Следовательно, пытаться «говорить» на языке западной традиции без понижения стандартов потребует довольно сложной работы по «интеграции» и «эзотерическому» толкованию (как сказали бы Данте и св. Фома Аквинский, «анагогическому»), что не ли-

шено практической опасности. Одна из опасностей состоит в том, что это спровоцирует бурный протест так называемых католических «традиционалистов», которые вследствие своей недалковидности и того, что они путают существенное с несущественным, запросто поверят в предполагаемую попытку фальсифицировать, «осквернить» и исказить их собственную традицию. Достаточно посмотреть на ментальные горизонты таких «интеллектуальных» католических традиционалистов, как Папини, Манакорда, Баргеллини, Коми и так далее, чтобы осознать, что эта опасность действительно существует и что такая реакция окажется не менее злобной, чем реакция на восточные учения.

Бросая вызов этим католическим традиционалистам, нужно понимать, что преимущество состоит в том, чтобы представить систему, которая является полной сама по себе и не нуждается в помощи других традиций в том, что касается правильного и метафизического понимания. Не следует забывать, что Генон всегда пишет для элиты и что он твердо убежден, что только посредством восстановления контакта с традиционным корпусом знаний в его чистой, изначальной и полной форме можно преодолеть трупное окаменение форм, исчерпавших свой потенциал, а также извращения, представленные новыми и «современными» формами. «Религии» ему было попросту недостаточно. Все, что содержится в религиях, истинно, но только когда оно принимает форму символов, персонификаций и ориентиров для способностей, которые явно не относятся к высшему уровню (таких, как чувства и рассуждения, основанные на теологическом дискурсе). Но все, что в рели-

гиозных традициях выражается в форме веры, догмы и теологии, в традициях метафизического рода обретает значение надрационального свидетельства, трансцендентного знания и «бытия». Естественно, на этом уровне те же самые принципы могут иметь другой масштаб и вести к горизонтам, которых очень трудно достичь иным способом.

По этой причине Генон избрал «язык» Веданты, которая по своей сути является метафизической традицией. Это дает ему возможность достичь поистине просветленной проницательности в области знаний о человеке, его природе и его судьбе, благодаря чему столь многие ложные проблемы и бесполезные конструкции профанных философий превращаются в *tabula rasa*. Так все оказывается восстановлено в грандиозном измерении несравненной очевидности и почти олимпийской прозрачности. Все пронизано ощущением бесконечности и вечности, выходящим за пределы и «пантеизма», и «персонализма». Первый результат — это разрушение узости взглядов, свойственной незначительному Эго; оказываются установленными загадочные контакты.

Появляется чувство прибытия издалека, и это путешествие продолжается навстречу новым горизонтам, через множество состояний сознания, в приключении, в котором смерть становится практически незначительным событием и в которой «жизнь», как она обычно понимается, со всеми ее досадами и заботами, можно сравнить с путешествием в ночи. Это не философская теория: это изначальное знание, которое нашло в Геноне своего преданного и безличного толкователя. Люди, достигшие внутреннего «осуществления» (а это единственное, что важно),

не могут не улыбаться снисходительно, глядя на тех, кто нападает на миф Востока или миф Запада, потому что им известны условия подлинного синтеза. По одну сторону находится профанное невежество с его различными ментальными и сентиментальными траекториями; по другую — носители подлинного знания, выступающие единым фронтом, даже если они этого не осознают и если они отдают всю свою энергию, чтобы увидеть триумф духа в условиях конкретного народа и конкретной цивилизации.

ЮЛИУС ЭВОЛА

РЕНЕ ГЕНОН

И «ГЕНОНОВСКИЙ» ДОГМАТИЗМ

Рене Генона определенно следует считать Учителем современности. Его вклад в критику современного мира и в понимание «мира Традиции», символов и метафизических учений, воистину неоценим. Я и сам уже более тридцати лет являюсь одним из первых писателей, знакомящих с Геноном Италию (и даже Центральную Европу) при помощи эссе, переводов и цитирований. Я состоял с ним в дружеской переписке почти до самой его смерти. Если, с одной стороны, можно надеяться, что мысль Генона окажет адекватное влияние, с другой стороны, следует опасаться возникновения геноновского догматизма. Такой догматизм состоит в пассивном и педантичном следовании всем взглядам Генона без стремления разобраться в них и без попыток их подлинного исследования, а также в реальных опасениях внести даже малейшие изменения в формулировки учителя.

Хотя «оригинальность», в самом деле, в этой области совершенно неуместна, влияние учителя настоящему действительно не тогда, когда оно порождает рабелепные и стереотипные повторения, но когда оно стимулирует импульс к дальнейшим разработкам, а если нужно, то и к поправкам из-за избытка перспектив. Хотя признание того, что является обоснованным и уникальным в работе Генона, вполне заслуженно, это не должно помешать увидеть не-

которые его ограничения, существующие из-за его «личного уравнения» и его *forma mentis*⁴. Именно такой критический подход оставляет место для потенциально плодотворной работы. Личная ориентация Генона была, по сути, интеллектуальной и «учебной». Во всех его работах практически нет ничего «экзистенциального» и практического, его личного опыта и сколь угодно конкретных указаний, облегчающих внутреннее осуществление за пределами чистой доктрины. В этом и состоит опасность геноновской «схоластики» (в отрицательном смысле этого слова), способной свести все к чему-то одновременно не имеющему силы и абстрактному, несмотря на бездоказательные претензии многих последователей Генона на обретение такого знания, которое должно быть в то же время и «осуществлением».

Доказательство того, что такая опасность реальна, дано ориентацией некоторых групп последователей Генона, занявших позицию «строгого следования». Пример можно найти и в Италии: это журнал *Rivista di Studi tradizionali*, который начали издавать в Турине в прошлом году и который подражает французскому журналу Генона *Études Traditionnelles* даже в своих редакционных материалах. Переводы старых статей Генона, которые там публикуются наряду с некоторыми текстами и теоретическими ориентациями, могут быть полезны. Однако тон этого журнала педантичен. На его страницах часто можно заметить академический уклон, а именно, стиль изложения *ex cathedra* и *ex tripode*, окончательный и педагогический, с претензией на такой авторитет, какового ни у кого из редакции попросту нет: никто

⁴ Образ мысли (лат.). — Прим. ред.

из них ни обладает соответствующим духовным достоинством, ни является автором настолько ценных работ. Именно таким образом наружу выходит презренный «индивидуализм» (можно содрогнуться уже от фраз вроде «индивидуальное осуществление»). То, что в психоанализе зовется *Geltungstrieb* («потребность в признании»), получает возможность самоутвердиться под личиной «безличности» всякий раз, когда некто заявляет о том, что он является духовным «учителем».

Довольно странно, что я сам стал жертвой такого «всезнайского» отношения в эссе из четвертого выпуска этого журнала. Поскольку оно было представлено в разделе под названием «Рецензии на книги», было бы естественно подумать, что в нем удостоилась обзора моя недавняя книга. Но это не так, поскольку этой книгой оказалась «Доктрина пробуждения», которая была опубликована двадцать лет назад и с тех пор не переиздавалась. Учитывая, что автор обзора не ограничился этой моей книгой, а вступил в дискуссию по поводу различных идей, отстаиваемым мной в других местах, автору обзора стоило рассматривать эту книгу в контексте всей моей деятельности. Однако критик перепутал открытые двери с массивными стенами, в то же время проявляя пристрастный и тенденциозный дух.

Ни к чему здесь рассказывать, как обстоят дела на самом деле, поскольку, помимо прочего, эта рецензия не так уж важна, и мне пришлось бы повторить рассуждения, которые я уже несколько раз развивал в других местах. Поэтому я ограничусь тем, что скажу, что автор этой рецензии ошибается, если полагает, что специфическая формулировка, данная Геномом традиционным учениям на основании его

«личного уравниения», является единственно возможной и обладает чертами абсолютного откровения, и, следовательно, все то, что, по моему мнению, я мог и должен был интерпретировать в другом смысле, не является настолько обоснованным. Превосходство созерцания («знания») над действием, отстаиваемое Геноном, является спорным, потому что оно основано на произвольной схематизации двух понятий, наделяющих действие только отрицательными чертами, а созерцание («знание») — положительными. Наряду с путем знания существует традиционный путь действия, и оба они подходят для того, чтобы привести человека к задаче преодоления человеческого состояния. Обратите внимание на то, что сказал Кришна в Бхагавад-гите (глава 11), когда он превозносит путь действия, приписывая ему свою высшую форму проявления.

С практической точки зрения действие нужно наделить приоритетом, чтобы предотвратить рост любого «догматизма». Традиционный принцип *post laborem scientia*, специфическая практическая и аскетическая позиция раннего буддизма — вот единственное адекватное отношение. Сегодня, как никогда прежде, борьба за примат духовной власти над царской является темой, связанной с более широкой сферой, и вызывает проблему определения самой адекватной традиционной формы Запада, особенно когда духовная власть грубо и односторонне отождествляется с брахманическим и жреческим типом. Этому противоречат все главные традиционные цивилизации. В Китае, Древней Индии, Японии, Египте, Перу, Греции и в древних северных племенах на верхушке иерархии всегда находилась священная царская власть, и царь никогда не подчинялся духовенству;

ранняя традиция гибеллинов, например, вдохновлялась этими аспектами изначальной Традиции.

Касаясь сферы инициации, необходимо сделать определенные оговорки насчет ее полубюрократического понимания Геноном. Я говорю о точке зрения, которая принимает в расчет только присоединение (которое много раз оказывается совершенно неэффективным) к «регулярным» организациям. Эти организации в современном мире либо прекратили свое существование, либо стали практически недостижимыми, либо продолжают существовать в мертвых или даже извращенных формах (как, например, масонство — еще одна область моих разногласий с Геноном).

Первоначальная оценка Геноном буддизма была омрачена поразительным недостатком понимания. Эта оценка была опущена в английском издании книги «Восток и Запад»; позже Генон частично изменил ее, сделав некоторые уступки «брахманической» версии буддизма, которая в действительности представляет собой оскопленный буддизм, лишенный специфических важных элементов, которыми он обладал во время своего зарождения. Эти специфические элементы касались автономного пути осуществления. В этом осуществлении действия квалифицированного индивида, который стремится достичь Безусловного, даже прибегая к насилию, являются необходимым дополнением нисхождения силы свыше, которой не нужны «инициативные бюрократии». Сказанное Геноном в его неудачном очерке о «необходимости традиционного экзотеризма»⁵ тоже следует отвергнуть, поскольку оно предлагает

⁵ См. книгу Генона «Инициация и духовная реализация», гл. VII. — *Прим. ред.*

опасные стимулы и оправдания для реакционного и мелкобуржуазного конформизма.

Педантичные представители геноновского догматизма должны скорее стремиться к достижению более глубокого понимания истинного смысла Путилевой Руки, который является не менее традиционным, чем Путь Правой Руки, и который обладает тем преимуществом, что делает акцент на трансцендентном измерении, свойственном всякому подлинно начальному осуществлению и стремлению. Абстрактный же и интеллектуализирующий геноновский догматизм, типичный для «исследовательских институтов», вполне может игнорировать истинный смысл Путилевой Руки. В наше время существует глубокий и необратимый раскол между формами внешней жизни или традиционными экзотерическими остатками с одной стороны, и любой возможной трансцендентной ориентацией — с другой. Эта пропасть глубока и непреодолима. Следовательно, почти все люди, которые не наделены возможностью или призванием совершенно отделиться от мира, найдут крайне сложным осуществление «традиционной» ориентации в иных условиях, нежели те, что были приведены мной в моей последней книге «Оседлать тигра».

Я не стану здесь обращаться к другим искажениям, в которых виновен критик, обозревавший мою работу. Как я уже сказал, я поднимал эти вопросы в книгах и статьях, о которых он либо не имеет понятия, либо делает вид, что не знает о них. Позвольте привести еще один пример недостатка у него объективности. По его словам, когда я обозревал буддистскую этику, я якобы рекомендовал использовать женщин как объекты для тех, кто неспособен следовать наставлению о целомудрии. Неважно, что я говорил

о сексе и возможностях, которые он представляет, в своей работе «Метафизика пола»; в пассаже, который меня изобличает (при учете, что он понимается верно) я написал, что следует позволить физическому импульсу, побуждающему к сексу, простое удовлетворение, которое мы позволяем себе, когда утоляем голод. На самом деле всякое пуританское подавление этого импульса способно взрастить в человеке внутреннее напряжение и отравление — элементы, которые являются печально известными помехами для духовной жизни или причинами ее загрязнения посредством «смещений», как в случае определенных форм христианского мистицизма. Мне сказали, что автор этого обзора работает судьей. Я искренне надеюсь, что он не станет демонстрировать в суде такую же «объективность» и отсутствие понимания, которые он продемонстрировал в своей критике.

Конец ознакомительного фрагмента книги.